

был и Кюхельбекер, писавший позже в крепости, что поэты XIX века выше «Попа и Аддисона, Вольтера и Делиля, Виланда, Клейста, Бодмера».⁸

Говоря о радищевских стихотворных переводах, необходимо остановиться и на так называемых «Сафических строфах».

Стихотворение это — вольный перевод 15-го эпода Горация. Радищев воспользовался лишь темой измены и начальными стихами:

Nox erat et caelo fulgebat luna sereno
 Inter minora sidera,
 Cum tu magnorum numen laesura deorum
 In verba iurabas mea...
 Ночь была прохладная, светло в небе,
 Звезды блещут...
 Ты клялась верною быть вовеки,
 Мне богиню ночи дала порукой...

Однако дальше Радищев резко изменил развитие лирического сюжета. Он отказался и от угроз, которые Гораций расточает Неэре, и от предостережений счастливому сопернику.

Среди латинских поэтов Гораций занимал в сознании русских поэтов XVIII века особое место. Любовная лирика Горация привлекала внимание поэтов, стремившихся освободиться от канонизированных классицизмом поэтических форм. В борьбе за стиховое новаторство, освобождение от обязательной рифмы, подчинение ритмики содержанию Радищев обратился к античным размерам. Показательно, что он в этом случае не делал различия между горацанской и сафической структурами строфы, выражая средствами последней тему, навеянную Горацием. Его интересовало не различие в системах античного стиха, а перенесение на почву русской лирики новой ритмической системы, рассматриваемой как нечто единое.⁹

Но лирика Горация имела и другое лицо, привлекавшее русских поэтов XVIII века, — прославление простоты, скромной трудовой жизни, патриархальных нравов, при которых

Privatus illis census erat brevis,
 Commune magnum...
 (Carm. Lib. II, 15)

Не случайно наибольший отклик в русской поэзии XVIII—начала XIX века получила знаменитая «Похвала сельской жизни» («Beatus ille, qui procul negotiis»). В письме к Воронцову Радищев вспоминал «прекрасную оду Горация „Beatus ille...“», добавляя: «которой я знаю только начало».¹⁰ Последняя оговорка, видимо, имеет особый смысл. В традиции русской недворянской поэзии от Тредиаковского до Милонова ода Горация воспринималась как прославление свободной и трудовой жизни — идеала поэта, отрицающего современную ему действительность.

У Тредиаковского:

Плугом отчески поля орющий.

Э.-Х. Клейста, не имевшего к романтикам никакого отношения. Интерес к этому поэту Илличевский сохранил и после окончания лицея.

⁸ Дневник В. К. Кюхельбекера. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 173.

⁹ О Горации в России см. статью П. Н. Беркова «Ранние русские переводчики Горация». («Известия Академии наук СССР. Отд. общ. наук», 1935, № 10, стр. 1039—1056).

¹⁰ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 505.